КНИГА ДРАКОНОВ

ДЖОНАТАН СТРАУД,
ТЭД УИЛЬЯМС, ПИТЕР С. БИГЛ,
ГАРРИ ТАРТЛДАВ, ТАНИТ ЛИ,
ГАРТ НИКС
И ДР.

Вици
Наоми Новик

Аннотация
Наоми Новик. Вици

Аннотация

Вот вам пример того, что «Лови момент!» часто является полезным советом. Даже в том случае, если, следуя ему, вы оказываетесь вынуждены связаться с драконом, причем совершенно неожиданным образом!

Автор рассказывает древнюю историю мира, где впоследствии произошли события сериала «Отчаянный», — самую первую историю о дружбе человека с драконом.

Наоми Новик
Вици

Вот вам пример того, что «Лови момент!» часто является полезным советом. Даже в том случае, если, следуя ему, вы оказываетесь вынуждены связаться с драконом, причем совершенно неожиданным образом!

Наоми Новик, автор бестселлеров, родилась и живет в Нью-Йорке с мужем — редактором фэнтези и шестью компьютерами. Она является американкой в первом поколении и воспитывалась на польском фольклоре. В ее детстве Баба-яга соседствовала с Толкином. Закончив компьютерный факультет Колумбийского университета, она участвовала в разработке игры «Neverwinter Nights: Shadows of Undrentide», после чего решила попробовать свои силы в писательстве. И это было очень правильное решение! Последовавший сериал «Отважный» («Temeraire»), включающий книги «Дракон его величества» («His Majesty's Dragon»), «Нефритовый трон» («Throne of Jade»), «Black Powder War», «Empire of Ivory», «Victory of Eagles» и «Tongues of Serpents»,

описывает альтернативную версию Наполеоновских войн, где в качестве живого оружия используются драконы. Этот сериал снискал необычайную популярность.

* * *

— Итак, Антоний, — сказал мировой судья, — ты, несомненно, являешь собой образец крайне распущенного и безнравственного юнца. Ты опозорил имя благородного рода патрициев и запятнал себя крайне недостойными склонностями и привычками. Более того, есть свидетельства, что ты не просто пьяница и игрок. На твоей совести еще и убийство.

Подобное предисловие могло означать только одно: старый стервятник всерьез вознамерился отправить его прямиком на плаху. Это настраивало на философский лад. Антоний передернул плечами. Он заранее знал, что его семья вряд ли наскребет денег на взятку, достаточную, чтобы его отпустили. Семья Клавдия в любом случае была неизмеримо богаче. Да и всерьез полагать, будто его отчим хотя бы почешется…

— Можешь что-нибудь сказать в свое оправдание? — между тем осведомился судья.

— Он был душным козлом и абсолютным ничтожеством. Пойдет? — жизнерадостно ответил Антоний.

Мировой судья зловеще нахмурился.

— Твои долги составляют почти две с половиной сотни талантов…

Антоний перебил:

— В самом деле? Ты точно уверен? Боги, я и не подозревал, что так много! И куда только деньги деваются?..

Мировой судья постучал пальцами по столу.

— Будь моя воля, — сказал он, — я бы с удовольствием отправил тебя на арену. Уж кто-кто, а ты этого более чем заслуживаешь.

— Я? Сын римского сенатора? — с преувеличенным ужасом и негодованием переспросил Антоний. — Только попробуй, мигом сам пойдешь на рынок рабов.

Судья продолжал, ничуть не смутившись:

— Полагаю, указанные обстоятельства могут быть признаны смягчающими. Так или иначе, твоя семья самым настойчивым образом просила о смягчении твоей участи. Поэтому тебя ждет не плаха, не арена, а нечто иное.

Вот это уже сулило некие перспективы.

— Ну и?.. — осведомился Антоний.

Судья зачитал приговор.

— Да ты что, из ума выжил? — воскликнул Антоний. — И вот это, по-твоему, называется смягчением участи? Чтобы убить дракона, даже самого маленького, нужно человек двенадцать, а тут…

— Они не просили сохранить тебе жизнь, — терпеливо продолжал мировой судья. — Это было бы им заведомо не по средствам. Схватка с драконом дарует почетную смерть, в большинстве случаев — быструю, насколько я в этом разбираюсь. Кроме того, по закону она полностью спишет все твои долги. Или, может быть, ты предпочитаешь самоубийство?

Антоний подумал о том, что дракона вообще-то можно убить. Ну, хотя бы чисто теоретически. А стражников — подкупить. Тогда как меч, всаженный в кишки, шансов не оставляет. Совсем никаких.

— Нет уж, спасибо большое, — сказал он судье. — Ладно, где она, эта тварь? Где мне предстоит судьбоносная встреча? В Германии? В Галлии?..

— Тебе даже не придется Италию покидать. — Бессердечный крючкотвор уже что-то царапал в бумагах. — Одно из этих созданий прибыло с севера примерно неделю назад и устроилось

со своим кладом прямо над верховьями Тибра, недалеко от Плацентии.

Антоний нахмурился.

— Что-что там насчет клада?..

— Ну как же, где дракон, там и клад. Причем в данном случае, если верить соглядатаям, клад весьма примечателен. Так что если убьешь дракона, ты даже сможешь рассчитаться с долгами… какой бы умопомрачительной ни была сумма!

Можно подумать, Антоний уже приготовил ему эти денежки для выплаты, глупость какая. Он спросил:

— Какого возраста тварь, о которой мы говорим? Желательно поточнее!

Судья хмыкнул.

— Мы отправили человека с поручением пересчитать ее зубы, но, похоже, он решил заняться этим изнутри. В смысле, из брюха. Местные сообщают, что существо весит по меньшей мере как четыре слона, а скорее — все шесть. Выводы делай сам.

— Ты что, вправду рассчитываешь, будто я этакую махину в одиночку завалю? — спросил Антоний.

— На самом деле нет, — кивнул мировой судья. — Но противодраконное подразделение

девятого легиона находится на расстоянии двух недель ускоренного марша, и население беспокоится. Надо же сделать красивый жест и как-то успокоить людей. — Он вновь поднял глаза. — Тебя проводит на место персональная стража, предоставляемая семейством Фульвия Клавдия Суллия. Ну как, не передумал?

— Да пусть лучше у меня печенка с селезенкой поссорятся, — горько выругался Антоний.

Затея на глазах утрачивала вменяемость. Даже чисто теоретическую.

— Так эта холера что, еще и огнем дышит? — ужаснулся Антоний.

Ближняя деревня представляла собой скопище обгорелых руин. Дома, деревья в садах — все было превращено в бесформенные головешки. Закопченный след тянулся в холмы, и оттуда к небесам поднималась тоненькая, но устойчивая дымная струйка.

— Похоже на то, — отозвался предводитель охранников.

Его звали Аддо. В голосе предводителя прозвучало, пожалуй, больше энтузиазма, чем диктовали приличия. Можно подумать, вчера он выиграл не половину денег на выпивку, а сразу весь кошелек. Между тем в округе и шлюхи-то было не найти,

чтобы напоследок повеселиться.

Стражники провели Антония к самому входу в овраг. Это был единственный вход. И если на то пошло, единственный выход, потому что боги его явно покинули. Здесь с него сняли цепи.

— Не передумал? — посмеиваясь, спросил Аддо. Двое других приготовили для узника щит и копье. — Если да, то сейчас самое время.

— Поцелуй меня в задницу. — Антоний вооружился и бросил ему кошелек. — Покропи от меня алтарь Марса кровью да за выпивкой меня помяни. А я в преисподней вас всех подожду!

Они отсалютовали ему, ухмыляясь. Минуя первое колено извилистого оврага, Антоний помедлил и украдкой глянул через плечо… увы, педикаторы, неестественно верные долгу, никуда не ушли. Сидя на земле, они резались в кости — и весь мир мог катиться куда подальше.

Ну и ладно. Ну и пожалуйста. Антоний углубился в овраг.

Чем дальше он пробирался, тем ощутимей становилась жара. К последнему повороту у него взмокла ладонь, сжимавшая древко копья. Волны жара катились навстречу, словно из пылающей печи, воздух дрожал. Дракон спал, развалившись в овраге, и — отходы богов! — был размером с

амбар для зерна. Шкура у него была грязновато-зеленая, с разбросанными там и сям более светлыми пятнами и полосами. Такого окраса Антоний, признаться, не ожидал. Имелась даже одна большая пежина, этакая бледно-зеленая клякса, расположенная прямо на морде. Но это все чепуха; куда важней было то, что при вдохах спина вздымалась чуть не вровень со стенами оврага, а голова выглядела побольше крытой повозки.

Вот дракон потянул носом и бормотнул во сне, устраиваясь поудобней. Со склонов оврага посыпались камешки. Они падали и отскакивали от драконьих чешуй, — те напоминали панцири черепах, только более гладкие. Антоний увидел кучу костей, аккуратно сложенных в уголке площадки. Кости были очень чисто обглоданы. За ними на овражной круче виднелась неправильной формы пещера, и в ней призывно мерцало серебро. Несколько монеток выкатилось наружу.

Что толку с этого серебра!

— О милостивая Венера, в этот раз ты знатно меня прокатила, — едва ли не со смехом выговорил Антоний.

С подобной тварью, пожалуй, не управился бы и полноразмерный отряд. Да у нее в одной

шее было десять локтей. Тут никаким копьем не дотянешься. Да еще и огнем пыхает.

Выманивать чудовище с лежки было в любом случае бессмысленно. Антоний отбросил заведомо бесполезный щит — деревяшка против огнедышащего дракона, ха-ха! — и шагнул было к дракону, но стук щита, брошенного на камни, разбудил монстра. Существо вскинуло голову и зашипело, щуря глаза. Антония приморозило к месту. Какая еще благородная отрешенность перед лицом неминуемого?.. Дракон поднялся на лапы, и Антоний беспомощно распластался по стене оврага.

Дракон сделал один шаг, потом другой — мимо него. Вытянул утыканную шипами голову и подозрительно обнюхал брошенный щит. Его туша заполняла целиком весь овраг. До чешуйчатого бока можно было дотянуться рукой. Дыхание приподнимало и опускало чешуи. Антоний обливался потом от невыносимого жара. Так, как если бы он шел в летний полдень по солнечной дороге с тяжелым грузом за спиной. И без воды.

Прямо перед его лицом было место, где присоединялась к туловищу дракона передняя лапа. Непосредственно в подмышке чудовища он увидел крупную, болезненного вида шишку. Чешуи

на ней истончились и выглядели полупрозрачными. Все вместе походило на опухоль.

Дракон продолжал обследовать щит. Он трогал его носом, двигал туда-сюда по камням. Исполнившись окончательного фатализма, Антоний пожал плечами, поудобнее схватил двумя руками копье — и ударил что было силы, выбрав точку на теле дракона, которая показалась ему уязвимой.

Размягченные чешуи подались так легко, что копье погрузилось чуть не на всю длину. По крайней мере, кулаки Антония коснулись драконьего бока. Его сплошь залило кровью и гноем, и, милосердные боги, как же вонял этот гной!.. Дракон взвыл и вскинулся на дыбы. Антония оторвало от земли и подбросило на высоту его собственного роста. Потом копье выскочило из раны, и он свалился наземь. Упав на четвереньки, он попытался отползти к стене, плюясь и задыхаясь от жуткого запаха. Поднялись тучи пыли, полетели камни.

— О Юнона, царица богов… — вырвалось у него, когда валун размером с лошадиную тушу врезался в землю совсем рядом с его головой.

Перекатившись, он скорчился под обрывом и кое-как вытер лицо, с невольным благоговением наблюдая за бившимся и ревевшим чудовищем. Из его пасти вырывались сполохи огня, рана в

боку обильно кровоточила. Целые ведра черной жидкости лились в овражную пыль, образуя ручей. Пока Антоний смотрел, голова дракона начала никнуть. Чудовище приподнимало ее, но она снова падала, и так раз за разом. Потом подогнулись задние лапы. Дракон медленно обрушился наземь, и воздух с шипением вырвался из его легких. Голова упала и безвольно перекатилась.

Антоний лежал под стеной еще какое-то время, наблюдая. Потом разбросал камни, наполовину засыпавшие его, и кое-как поднялся. Шатаясь, он подошел к голове чудища, заглянул в мутнеющие, глаза. Из пасти еще тянулся дымок вроде того, что источают гаснущие головни.

— Венера милосердная, прославленная среди богов, — проговорил он, подняв глаза к небу. — Никогда больше не усомнюсь в твоей благосклонности.

Антоний поднял копье и, хромая, сплошь залитый кровью, заковылял к выходу из оврага. Охранники бдели, держа мечи наготове. Они уставились на него так, словно им явился демон во плоти.

— Не волнуйтесь попусту, — жизнерадостно заверил их Антоний. — Моей крови тут нет. Слу-

шайте, ни у кого не найдется промочить горло?.. А то вкус во рту — словами не передать.

— Во имя зловонного Гадеса, это еще что? — спросил Секунд, глядя, как третий стражник покидает пещеру, с трудом таща увесистый груз: гладкий, овальной формы булыжник.

— Это яйцо, безмозглый ты капупедитум, — сказал Аддо. — Грохни его о скалу, и дело с концом.

— Э, нет, так не пойдет, — вмешался Антоний. — Здравый смысл подсказывает, что у него тоже цена есть. Кладите в телегу!

Эту телегу они нашли в развалинах испепеленной деревни и выстлали дно кусками рваных мешков. Боги определенно благоволили Антонию: поблизости отыскался даже погреб, а в нем — несколько запечатанных кувшинов с вином.

— Друзья мои, — сказал Антоний, совершив подобающее возлияние Венере, в то время как стражники грузили остатки драконьего клада. — Отведайте этого вина! Завтра мы скупим всех блудниц Рима, но сегодня напьемся же до поросячьего визга!

Они с ухмылками приняли приглашение, а заодно наконец-то отвернулись от груды сокровищ, сваленных на телегу. Антоний ничуть не обманывался. Если бы не копье в его руке — то

самое, черное от драконьей крови, — эти люди давно перерезали бы ему глотку и сейчас приближались бы к галльским границам.

Зато теперь игра шла по его правилам. Ведь он способен был перепить восьмерых, по очереди отправляя их под стол, и это при посредстве неразбавленного вина.

Вот и этих троих он оставил мирно похрапывать на земле, а сам свистнул мулам, и те бодрым шагом потащили телегу прочь по дороге: близкое соседство с тушей дракона животным очень не нравилось. Туша, правду сказать, была не цела. Антоний потратил немалую часть дня на то, чтобы отделить от нее голову, и теперь она гордо возвышалась поверх груды сокровищ. Плоть постепенно утрачивала упругость, и верхние зубы мало-помалу наезжали на нижнюю челюсть. Еще голова немилосердно воняла, но, когда повозка въехала в ближний городок, это только усилило произведенное впечатление.

Самое занятное заключалось в том, что теперь, когда золота у него было как грязи, Антонию ни за что не приходилось платить. Люди прямо-таки состязались за право угостить его выпивкой, и любая шлюха готова была уединиться с ним задарма. Ему даже проиграться не удавалось. Его

кости неизменно выпадали нужной стороной кверху.

Он купил особняк в лучшей части города. С одной стороны его соседом стал напыщенный краснобай Катон, с другой — дядя Клавдия. Здесь Антоний закатывал вечеринки, ненавязчиво продолжавшиеся от заката до рассвета. В дневные часы он баловался со зверями на своем заднем дворе. Там по разные стороны сидели на цепях лев и жираф, чтобы фыркать и рычать друг на дружку. Был даже гиппопотам, которого притащил ему нубийский торговец.

Он велел установить посередине двора череп дракона. Перед черепом поместили яйцо. Здоровенную глыбу все равно никто покупать не хотел, но надо же было ей найти какое-то применение?

— Избавлю тебя от них, если дашь полсотни сестерциев, — поглядев на череп в паре с яйцом, предложил ему управитель цирка.

— Что? — возмутился Антоний. — Еще я тебе должен доплачивать? Да я лучше сам его разобью, и дело с концом!

Управитель цирка пожал плечами.

— Ты же не знаешь, как долго его высиживали. Может, из него еще что-нибудь вылупится. А они, между прочим, вылупляются готовыми к

бою. — И предупредил: — Последний раз, когда мы собрали желающих посмотреть это зрелище, птенчик ухайдакал шестерых человек.

— Билеты-то окупились? — ехидно поинтересовался Антоний, но этот мерзавец и ухом не повел.

Так или иначе, яйцо придало завершенность оформлению его двора. Антоний повадился пересказывать услышанное от управителя кому-нибудь из гостей, когда тот, прислонившись к яйцу, поглаживал скорлупу. Забавно было наблюдать, как проворно люди отскакивали прочь. Сам Антоний полагал, что в яйце, скорее всего, никакой жизни не было и в помине. Полгода уже прошло, а оно каким было в самом начале, таким точно и оставалось.

Между тем самому Антонию нынешняя безбедная жизнь была определенно не в радость. Непостижимым образом он начал почти тосковать по былым денькам, когда он навсегда покинул дом своего отчима. Тогда ему, бывало, приходилось в один вечер бороться на потеху уличным зрителям с тремя соперниками подряд, зарабатывая себе денежку на еду. Просто потому, что никто ему за спасибо и черствой корки дать не желал. Бывало и такое, что он позволял

какому-нибудь жирному развратнику… скажем так, распустить руки. Иначе ему приходилось бы ночевать под заборами.

Но вот что удивительно — кувшин краденого вина, выпитый после часовой гонки по переулкам со стражами порядка, был вдесятеро вкусней дорогих напитков, которыми он мог наслаждаться теперь. А прежние друзья превратились в подхалимов, лизоблюдов и льстецов. Кстати, до чего неуклюже они льстили ему.

Лев в конце концов сорвался с цепи и слопал жирафа. Потом пришлось избавиться от гиппопотама, ибо тот загадил сплошным слоем весь двор. Это уже подозрительно смахивало на знамение свыше. А когда Антоний, будучи в здравом уме и твердой памяти, потянулся за книгой, это уже не могло быть ничем иным, кроме знака полного отчаяния.

Он попробовал прибегнуть к сильнодействующим средствам. Закатил оргию на два дня и две ночи, в течение которых никому не было позволено спать. Оказалось, однако, что даже и его выносливости был отмерен предел, которого по ходу второй ночи Антоний и достиг. Последующие три дня он пролежал в затемненной комнате, баюкая готовую взорваться голову. В

довершение всех бед, стоял август месяц, и дом напоминал пекарную печь. Простыни Антония промокли от пота, но двигаться было еще невыносимей, чем просто лежать.

В итоге он все-таки выполз наружу, велел рабам отскрести и вымыть себя и должным образом облачить. Самая простая домашняя одежда у него была теперь персидского шелка, расшитая золотом, иного он не держал. Выйдя затем из дома, он рухнул на диван под апельсиновыми деревьями.

— Разрази вас Юпитер! Все прочь, и чтобы мне была тишина! — зарычал он на рабов.

Лев поднял голову и зарычал в ответ. Антоний швырнул в него винным кувшином, откинулся к спинке дивана и прикрыл глаза от света рукой.

На какое-то время он задремал и проснулся от прикосновения к ноге.

— Кому сказано, оставьте меня в покое, блохастые псы!

Толчки прекратились на какое-то время, но затем снова возобновились.

— Ну вот что, сыны Диса, я велю вас пороть, пока вы не… — вскидываясь на диване, начал было Антоний.

И осекся на полуслове.

— А больше еды нету? — спросил дракончик.

Антоний вытаращил глаза. Их головы находились на одном уровне. Дракончик моргал ярко-зелеными глазами с черными щелями зрачков. Тело у него было в основном зеленое, как и у того, в овраге, только спинные шипы отливали синевой. Антоний оглядел двор. Всюду были раскиданы ошметки скорлупы. Что же касается льва…

— Проклятье, лев-то где? — вырвалось у Антония.

— . Мне кушать хотелось, — не очень-то виновато выговорил дракончик.

— Так ты что, слопал льва? — не веря собственным глазам, осведомился Антоний. И повторил почти благоговейно: — Ты слопал льва?

— Ну да. И хотелось бы еще чего-нибудь пожевать, — ответил дракончик.

— Клянусь титьками Гекаты, ты получишь все, чего только пожелаешь, — заверил Антоний, уже представляя себе, как рухнут гости, приглашенные на его следующую вечеринку. — Маракл! — заорал он. — Беги быстрей, ленивый, никчемный раб, и немедленно достань мне несколько коз!.. Проклятье, как это возможно, что ты умеешь говорить? — вновь обернулся он к дракончику.

— Ты-то умеешь, — был ответ. Как будто это все объясняло.

Антоний задумался — и передернул плечами. Может, и объясняло. Он осторожно протянул руку и погладил шею дракончика. Шкурка была мягкой и гладкой на ощупь.

— Что за чудесное создание, — проговорил он. — Буду звать тебя Винцитатом!

Когда трясущегося от ужаса конюшего Антония удалось вытащить во двор и заставить осмотреть новорожденного, оказалось, что дракончик был самочкой. Маленькая драконица сразу проявила недюжинное упрямство, наотрез отказавшись менять имя. Так и прилип к ней «Винцитат», или для краткости «Вици». Еще ей требовались три козы в день, с гарниром из чего-нибудь сладкого. И драгоценности. В этом смысле Вици не больно-то отличалась от других женщин, известных Антонию. Все боялись ее до дрожи в коленках. Половина рабов Антония немедленно разбежалась. Торговцы — после того, как он пригласил кого-то из них на задний двор, — перестали посещать его дом. А с ними и большинство приятелей.

Нет, что за дивное создание, в самом деле!

Последний по счету торговец, удиравший прочь без оглядки, очень не понравился Вици.

— И ожерелье, которое он принес, было бездарным, — сказала она. — Антоний, я хотела бы полетать!

— Я уже тебе объяснял, радость моя, что какой-нибудь тупой стражник, чего доброго, пустит в тебя стрелу, — ответил Антоний, обдирая апельсин.

До чего он докатился! Даже и это приходилось теперь делать самому; рабы перестали убегать только после того, как он клятвенно пообещал — иметь дело с драконицей им не придется.

— Не волнуйся, милая, — добавил он. — Скоро у тебя будет простора в достатке.

Двор и так уже очистили от украшавших его когда-то скульптур, но это была мера сугубо временная. Вици и так уже выросла втрое против своих первоначальных размеров, и это всего за две недели. По счастью, гибкий ум Антония успел отыскать достойное решение.

— Господин! — донесся из глубины дома опасливый голос Маракла. — Катон пришел!

— Вот и отлично, — отозвался Антоний. — Прошу! Входи, Катон, мой добрый сосед. — Он приподнялся с дивана при виде старика, замершего у входа во двор. — Благодарю за то, что согласился прийти. Я бы сам тебя навестил, но,

понимаешь ли, слуги места себе не находят, когда я оставляю ее с ними одну.

— Я не принимал слухи на веру, но теперь вижу, что ты воистину пропил последний ум, — ответил Катон. — Спасибо за приглашение, но я, пожалуй, здесь постою. Пусть зверюга проглотит сперва тебя, но, надеюсь, винные пары из твоих внутренностей одурманят ее достаточно, чтобы я смог спастись.

— И вовсе не собираюсь я Антония есть, — обиделась Вици.

Глаза Катона полезли из орбит.

— Маракл, принесли кресло Катону и поставь его там, — распорядился Антоний. Растянулся на диване и стал гладить атласную шейку драконицы.

— А я и не знал, что они разговаривают, — сказал наконец Катон.

— Слышал бы ты, как она декламирует «Приапею», да с выражением, — усмехнулся Антоний. — Заслушаешься! Так вот, я пригласил тебя, чтобы…

— Не больно-то хороши эти стихи, — перебила Вици. — Мне больше понравились те, что ты читал в тот раз у себя дома. Про сражения.

— Что?.. — изумился Катон.

— Что?.. — изумился Антоний.

— Я слышала их вчера. Сквозь стену, — пояснила драконица. — Они были… такие волнительные. — Потом добавила: — И язык ни в какое сравнение не идет. Те, первые, про бесконечное прелюбодейство, а персонажей одного от другого не отличишь.

Антоний молча таращил на нее глаза. Это немножко смахивало на предательство.

— Ну, Антоний, — фыркнул Катон. — Ты, конечно, вполне спятил, иначе не решил бы завести у себя дракона. Но у твоей питомицы, по крайней мере, вкус лучше, чем у тебя.

— О да, она существо примечательное во всех отношениях, — сквозь зубы ответил Антоний. — Но, как видишь, в нынешних владениях нам становится тесновато, так что, боюсь…

Вици вновь перебила.

— А ты других стихов не знаешь? Вроде тех? — обратилась она к Катону.

— Уж не хочешь ли ты, чтобы я прямо здесь наизусть прочитал тебе Энниевы «Анналы»? — поинтересовался Катон.

— Да, если можно, — сказала она и свернулась поудобнее, приготовившись слушать.

— Э-э-э, — встрял Антоний. — Вот что, сердечко

мое…

— Тихо, тихо, я стихи слушать буду, — сказала она.

Катон выглядел несколько ошарашенным. Однако потом он покосился на Антония — и улыбнулся. После чего приступил к декламации длиннейшей поэмы. От начала и до самого конца.

Примерно через полчаса Антония сморил сон. Когда он проснулся, они горячо обсуждали тонкости поэтического языка. Катон даже как-то сумел уговорить домашних слуг вынести ему столик — хлеб, вино, оливковое масло. Ради хозяина они на подобное давно уже не соглашались. Смелости не хватало.

Антоний поднялся на ноги.

— Хотелось бы все же перейти к делу, — проговорил он с нажимом, в упор глядя на драконицу.

Винцитат намека не поняла.

— Катон может остаться на ужин, — сказала она.

— Нет, он не может, — возразил Антоний.

— Так что ты хотел предложить мне, Антоний? — спросил Катон.

— Я хочу купить твой дом, — без обиняков заявил Антоний.

Он-то собирался постепенно подвести к этому разговор да еще полюбоваться физиономией Катона, когда до того дойдет суть происходившего. Однако сейчас он был слишком раздражен для хитрых многоходовых комбинаций.

— Этот дом выстроен моим прадедом, — ответил Катон. — И ты хочешь, чтобы я тебе его продал для оргий и всяких бесчинств?

Антоний подошел к столу, взял кусок хлеба и обмакнул его в масло. Кажется, напоследок ему все же удастся повеселиться.

— Боюсь, — сказал он, — других покупателей, кроме меня, тебе не найти. И гости к тебе скоро совсем перестанут ходить. Слухом, знаешь ли, земля полнится.

Катон в ответ фыркнул.

— Напротив, — сказал он. — Я думаю, мой дом сильно вырастет в цене, как только ты съедешь отсюда.

— Боюсь, я совсем не намереваюсь куда-то переезжать, — ответил Антоний.

— Бояться незачем, — сказал Катон. — Полагаю, сенат вознамерится вместо тебя.

— Катон говорит, в Галлии сейчас идет война, — вставила Винцитат. — Совсем как в поэме. Вот здорово было бы отправиться посмотреть

настоящую войну!

— Что?.. — удивился Антоний.

— Итак, Антоний, — сказал мировой судья, — тебя можно поздравить.

— С тем, что выжил после того приговора? — поинтересовался Антоний.

— Нет, — сказал судья. — С самым необычным преступлением. Никогда раньше подобного не встречал.

— Что-то не припомню закона, который воспрещал бы держать дома дракона!

— Раньше не было, а теперь есть, — сказал мировой судья и уставился в бумаги. — Вопрос об установлении вины в данном случае не стоит. Следует только решить, что делать с этим созданием. Жрецы из храма Юпитера полагают, что подобное животное окажется очень значимым как жертвенное. Нужно лишь подыскать способ.

— Да я ее для начала выпущу прямо на форуме! — рявкнул Антоний. — Нет, погоди, я совсем не имел в виду… — Он перевел дух, заставил себя улыбнуться и наклонился к судье через стол. — Полагаю, мы можем договориться.

— Для этого у тебя даже сейчас денег не хватит, — ответил судья.

— Послушай, — сказал Антоний. — Я заберу ее

на свою виллу в Стабии. — Судья вскинул бровь, и он поправился: — Или куплю кусок земли возле Арминии. Там полно места, она никому не будет мешать.

— Ну да, а потом у тебя кончатся деньги или пьянство вгонит в могилу, — сказал судья. — Ты хоть понимаешь, что эти твари по сто лет живут?

— В самом деле? — безучастно проговорил Антоний.

— Кроме того, осведомители сообщают, что она уже длинней Брундизийского дракона, который уничтожил почти половину отряда четырнадцатого легиона.

— Да она же кроткая, как ягненок, — сделал последнюю попытку Антоний.

Мировой судья молча смотрел на него.

— Остается Галлия? — спросил Антоний.

— Остается Галлия, — ответил судья.

Слуги весело упаковывали вещи Антония. Весьма постный вид был только у тех, кого он решил взять с собой.

— Ну? Теперь ты счастлива? — с горечью обратился он к Винцитат.

— О да, — ответила она, доедая очередную козу.

Антонию было велено отбыть в ночи и притом под стражей.

Но когда прибыл вооруженный эскорт — опытные солдаты в латах и с копьями, — обнаружилось неожиданное препятствие. Вици уже не помещалась на городской улице.

— Ладно, ладно, только без суеты, — замахал руками Антоний, отгоняя драконицу обратно во двор. Пока обошлось без разрушений, дом на той стороне лишь слегка покосился. — Пусть она перелетит в порт Аврелия и встретит нас на той стороне!

— Еще не хватало, чтобы эта тварь летала над городом, — ответил центурион. — Прикинь, вдруг возьмет да сграбастает с улицы знатную даму или почтенного торговца! А мы отвечай!

Он был за то, чтобы прикончить Винцитат прямо на месте, и безотлагательно. Антоний был за то, чтобы его самого пришибить, и недолго думая перешел от слов к делу. Солдаты оттащили его и, приперев к стене дома, вытащили мечи.

В этот момент Вици перегнулась к ним через стену и сказала:

— Антоний, мне кажется, я наконец поняла, как выдыхать пламя! Хочешь, покажу?

Солдаты мигом выпустили его и в ужасе отско-

чили подальше.

— Ты же вроде говорила — не можешь, — глядя вверх, прошипел Антоний.

Признаться, он был этим обстоятельством немало разочарован.

— А я и не могу, — сказала она. — Но я подумала, что так они верней отвяжутся от тебя.

Протянув — опять-таки через стену — изящную переднюю лапку, она взяла его и подняла над землей. Потом махнула другой — и подцепила отчаянно заверещавшего вьючного мула вместе с поклажей.

И прыжком взвилась в воздух.

— Юпитер прищеми тебе печенку, ты спятила! — крикнул Антоний и судорожно ухватился за ее когти. Земля под ним плавно кружилась, уходя все ниже.

— Теперь ты видишь, как это здорово? — спросила она. — Куда приятнее, чем тащиться по пыльной земле!

— Осторожнее!.. — заорал Антоний, заметив внезапно надвинувшийся храм Сатурна.

— Ой, — спохватилась Вици и заложила вираж. Откуда-то сзади донесся ослабленный расстоянием треск каменной кладки. — Она и так рассыпаться готова была, — сказала драконица

и торопливо захлопала крыльями, забираясь повыше.

Пришлось Антонию согласиться, что путешествие по воздуху было в самом деле куда быстрей обычных способов передвижения. Кроме того, мул, захваченный Вици, был навьючен золотом. Другое дело, драконице очень не хотелось, чтобы он это золото тратил. Что ж, ему в любом случае приходилось оставлять ее самое малое за полмили от того места, где он собирался что-нибудь покупать. Спустя некоторое время такие предосторожности ему надоели, и он, наоборот, стал направлять Вици к самой симпатичной вилле или поместью из числа замеченных с воздуха — и там она спускалась с наибольшим шумом и переполохом, какой только могла произвести. После такой посадки Вици вволю лакомилась скотиной, Антоний же ночевал полным хозяином в доме, начисто покинутом прежними обитателями.

В самый первый вечер, сидя за чашей вина и краюхой хлеба, он начал раздумывать, а надо ли ему тащиться в эту богами забытую Галлию. Кто мог подумать, каким поистине стремительным оказалось воздушное путешествие!

— А может, нам просто в таком духе и продолжать? — лениво заметил он, обращаясь к

драконице. — И пусть ловят нас сколько душе угодно! До конца дней не поймают.

— Мне это не кажется правильным, — ответила Винцитат. — Если вот так сломя голову носиться с места на место, ни одного яйца высидеть не удастся. И потом, я же собралась войну посмотреть!

Антоний без сожаления передернул плечами, допивая вино. Честно говоря, он и сам предвкушал, как явится в действующие войска. Во рожа будет у полководца, когда он приземлится у него во дворе верхом на драконе и закаленное воинство разбежится, точно стайка мышей! И если поразмыслить хорошенько, жизнь объявленного вне закона бродяги с драконом была вовсе не такой уж привлекательной. Где бы он, скажем, подружку на ночь себе раздобыл?..

Двумя неделями позже они выбрались из альпийских предгорий. Теперь внизу была уже Галлия. И только тут до Антония постепенно дошло, что он, собственно, даже отдаленно не представлял себе, где оно находилось — действующее римское войско.

На то, что ему любезно подскажет дорогу какая-нибудь галльская домохозяйка, рассчитывать не приходилось, и еще две недели они с Вици просто летали туда и сюда, опустошая местные

дворы. Еда здесь была жуткая, а вино вовсе не заслуживало называться вином. В довершение всех бед какая-то сумасшедшая бабка не сочла нужным удирать от своего дома и, когда Антоний вошел, чуть не выпустила ему кишки кухонным ножом. Пришлось ему самому позорно бежать, уворачиваясь от нацеленных в спину горшков и бешеной ругани, и они с Винцитат поспешно взлетели.

— Неприветливые тут края, — сказала драконица, разглядывая тощего поросенка — свою единственную добычу. Все-таки она сжевала его и, хрустя косточками, добавила: — А что там за такое странное облако?

Это был дым. Девять или десять густых столбов. Антоний даже не представлял себе, что когда-нибудь так обрадуется виду бранного поля. Отчим нередко грозил отправить его на границу, и стремление избежать подобной судьбы отчасти предопределило его уход из дому. На самом деле хорошей драки он не боялся, равно как и крови — чужой ли, своей. Было бы за что ее проливать!

Веская причина для кровопролития, как он ее себе представлял, была связана с выгодой. Его, Антония, выгодой.

Бой на земле между тем был в самом разгаре,

и скоро они с Вици услышали грохот и лязг — весьма немузыкальный, кстати сказать. Летя в ту сторону, драконица все наддавала и наддавала ходу, так что Антонию пришлось прижмурить глаза — ветер выжимал из них слезы. Потом — с порядочным запозданием — до него дошло, что Вици держала направление не на лагерь в тылу римского войска. Она неслась непосредственно на врага.

— Эй, какого ты… — начал было Антоний, но тут Вици спикировала вниз, да так круто, что у него дыхание оборвалось.

Он судорожно вцепился в веревку, обвязанную кругом ее шеи — эх, ни до чего лучшего не додумался, пока было время! — и, как мог, постарался влипнуть в ее шкуру.

Винцитат испустила яростный рев, и Антоний испытал миг удовлетворения при виде моря вскинутых лиц — на них были ужас и потрясение. Причем как с одной стороны, так и с другой. А в следующий миг Вици ворвалась в ряды галлов, как вихрь. Те шли в бой плотной толпой, и когти драконицы заработали на полную мощь, производя страшное опустошение.

Она приземлилась на бегу и, умерив скорость, развернулась так резко, что Антоний съехал со

спины ей под шею и повис, вцепившись в веревку. Потом его пальцы, онемевшие в воздухе, разомкнулись, и он свалился на землю. Вици же снова взлетела, даже не заметив, что потеряла седока. Антоний кое-как встал на весьма нетвердые ноги, перед глазами все плыло. А когда он проморгался, то обнаружил, что на него смотрело все галльское войско.

— Гадес ме феллат, — вырвалось у него. Непосредственно у его ног валялось не менее десятка мертвецов — Винцитат стряхнула их с когтей, чтобы не мешали. Антоний подхватил чей-то меч и щит, оказавшийся лишь самую малость надколотым, и завопил вслед драконице: — Немедленно вернись и забери меня отсюда, ты, нечестивое порождение Этны!..

Но Винцитат была слишком увлечена дальнейшим разгромом неприятеля и не обратила на его крики никакого внимания. Покосившись через плечо, Антоний заметил толстое старое дерево и поспешно прижался к нему спиной, готовясь к последнему бою.

Войско галлов не было армией в правильном понимании этого слова. Их боевые порядки больше напоминали уличную банду, орудующую в лесу. Однако мечи у варваров были острые до

безобразия. Сразу пятеро из них кинулись на Антония, ревя во всю силу легких. В одного он пинком запустил разбитый шлем, свалившийся с кого-то, павшего от когтей Вици. Когда налетели остальные четверо, Антоний припал к земле и, прикрываясь щитом, стал метить им по ногам.

Судя по ударам, сыпавшимся на щит, к первой четверке врагов подоспела подмога с секирами. Ох, эти секиры!.. Антоний пырнул кого-то в бедро, другому попал в живот, сумел подняться и даже на какое-то время отшвырнуть троих уцелевших. И улыбнулся сквозь зубы, размахивая мечом.

— Прямо игры в войнушку в Марсовых лагерях, а, ребята?

Галлы оказались начисто лишены юмора. Эти простаки лишь оскалились — и снова бросились на него.

Пот заливал Антонию глаза, он в какой-то мере утратил счет времени, у него текла кровь из ран на руке и ноге. Потом один из его противников зашатался и упал, в его спине торчала стрела. Двое оставшихся оглянулись. Антоний сделал выпад и попал одному в шею, а второго свалила метко пущенная стрела.

Третья стрела бухнула Антонию в щит.

— Смотри, чучело, куда целишь!.. — заорал он

и живо укрылся за деревом. Иначе его просто затоптали бы галлы, удиравшие от ливня стрел и яростного драконьего рева.

— Антоний! — прямо рядом с ним приземлилась Винцитат. И небрежным взмахом крыла отшвырнула последних нескольких галлов, пробегавших слишком близко. — Вот ты где!

Какое-то время он смотрел на нее, тяжело переводя дух. Потом бросил меч и щит и сполз наземь, привалившись к боку драконицы.

— Ну нельзя же вот так без предупреждения спрыгивать, — глядя на него сверху вниз, укоризненно проговорила драконица. — Тебя же поранить могли!

Он был слишком обессилен, чтобы ответить как подобало. Смог лишь беспомощно погрозить ей кулаком.

— Да плевал я, хотя бы сам Юпитер желал видеть меня! — сказал Антоний. — Для начала я намерен сожрать половину быка… конечно, при условии, сердечко мое, что вторую половину скушаешь ты… после чего желаю принять хорошую ванну. Вот тогда, пожалуй, и посетителей можно будет принимать.

Улыбаясь, он облокотился о переднюю лапку Винцитат и стал любовно поглаживать коготь.

Легионер неуверенно покосился на чудовищный изогнутый клинок и отступил еще дальше.

Польза войны состоит в том, что рабы здесь дешевы и очень, очень послушны. Пускай даже они совсем ничему не обучены. Невелика наука — наполнить водой лохань и принести, куда скажут. Под щедрыми прохладными потоками Антоний в охотку соскребал с себя грязь, после чего залез в эту самую лохань, и у него вырвался вздох наслаждения.

— Неделю бы отсюда не вылезал, — пробормотал он, опуская разом отяжелевшие веки.

— Ммм… — сонно отозвалась Винцитат и рыгнула со звуком, подобным отдаленному грому. Ей достались на обед две трофейные лошади.

— Эй, ты там! Еще вина. — Антоний не глядя щелкнул пальцами.

— Позволь, я налью, — прозвучал спокойный голос, принадлежавший, несомненно, патрицию. Антоний распахнул глаза и рывком сел, увидев плащ военачальника. — Нет-нет, отдыхай. — Рука, опустившаяся на плечо, остановила его движение. — Ты так уютно устроился, что жаль беспокоить. — Полководец уселся в кресло, которое принесли ему рабы, налил вина себе и Антонию и взмахом руки отослал прочь слуг. —

Позволь небольшое замечание? Твое появление подкупило своей внезапностью, но кое-что можно было бы доработать.

Антоний взял кубок и поднял его приветственным жестом, представившись:

— Марк Антоний, к твоим услугам.

— Так-так, — отозвался военачальник. Природа была к нему не слишком щедра: узкое лицо, тощая шея и волосы надо лбом, которые вели отступление по всему фронту и готовились перейти к бегству. — Внук консула, как я понимаю?

— Точно, — кивнул Антоний.

— А я — Гай Юлий, также именуемый Цезарем, — ответил полководец и слегка поклонился. Потом добавил задумчиво: — Выходит, мы с тобой дальние родственники. По линии твоей матери.

— Ну да. Куда ни плюнь, полным-полно любящей родни, — усмехнулся Антоний.

Насколько ему было известно, дядя этого самого Цезаря ухайдакал его дедушку-консула где-то на позапрошлом витке гражданских разборок.

Гай Юлий, однако, следил за выражением его лица, и в уголке рта играла улыбка, ясно говорившая, что ему это было тоже известно.

Он сказал:

— А почему бы и нет?

Антоний громко расхохотался.

— И правда, почему бы и нет, — проговорил он, отсмеявшись. — Знаешь, мне вообще-то дали письмо для передачи тебе, но так уж получилось, что я забыл его в Риме. Там предписывается, чтобы мы… — И он жестом обозначил себя вместе с Вици. — Чтобы мы были тебе каким-то боком полезны.

— Будете. Еще как будете, — негромко отозвался Цезарь. — Слушай-ка, а ты не думал о том, чтобы разместить стрелков у нее на спине?..